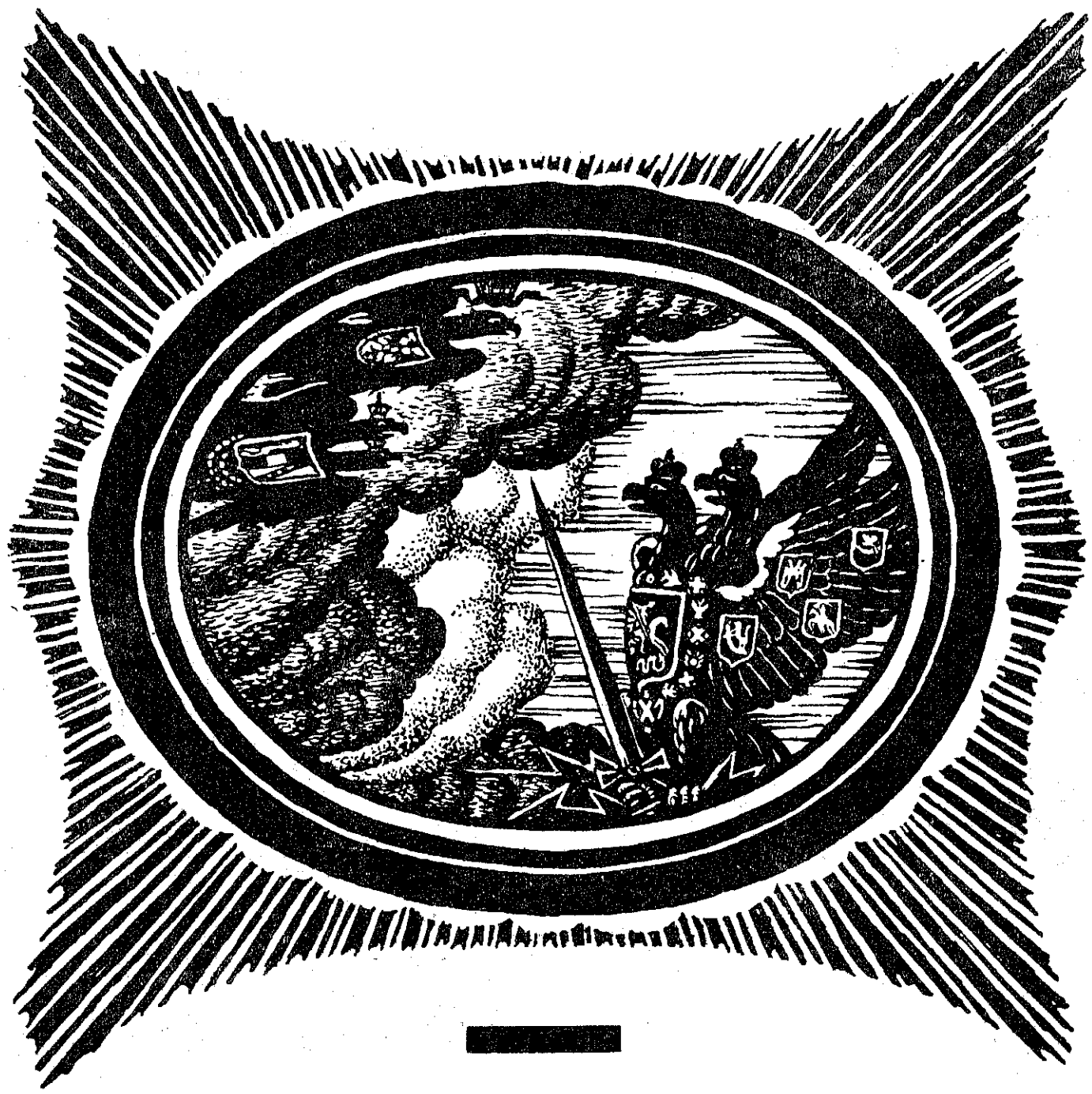
ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НАРОДНАЯ ВОЙНА



НЕДУГУЮЩИМЪ.

Ты, совѣсть русская, себѣ,
Дитя, вѣрна и въ бездорожьи
Скитаній темныхъ! И Судьбѣ
Самой кричишь: «суди по-божьи!» —

Когда рѣшеньемъ вышнихъ силъ
Русь вóрога превозмогаетъ, —
Архистратигъ ли Михаилъ,
Иль ей Георгій помогаетъ.

И, на вселенскіе вѣсы
Бросая подвигъ достославный,
Своей не видишь ты красы,
Своей не вѣришь правдѣ явной.

Въ самоотверженной мечтѣ,
Стыдясь знаменоваться кровью,
Такъ ты блуждаешь во Христѣ
И соблазняешься любовью.

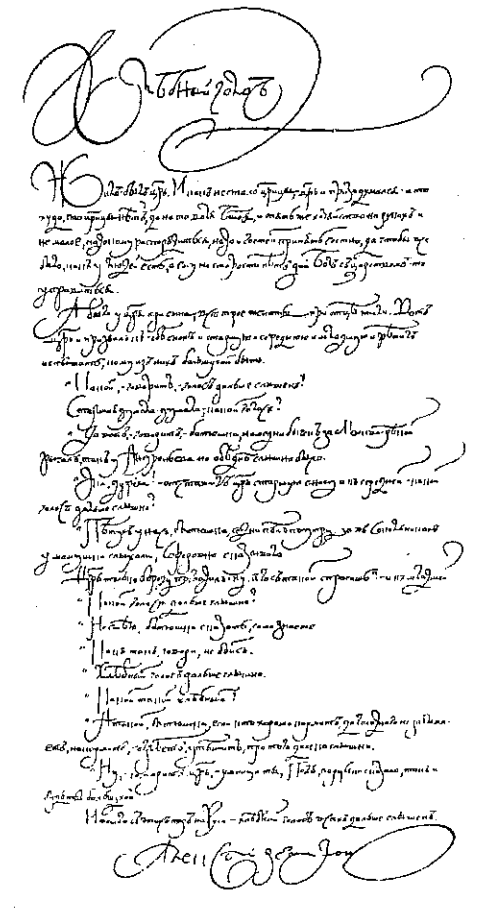
О совѣсть русская! Пора
Тебѣ, переболѣвшей ложью
Уединеннаго добра, —
Бѣглянкѣ овчаго двора, —
Войти съ народомъ въ Правду Божью.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 6. ПЕТРОГРАДЪ. 14 ДЕКАБРЯ 1914 г.



Автографъ А. Ремизова.

ХЛѢБНЫЙ ГОЛОСЪ.

НАРОДНОЕ.

ЖИЛЪ-БЫЛЪ царь. И какъ не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нѣтъ, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на рукахъ и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, какъ у людей есть, а ему на старости лѣтъ дай Богъ съ царствомъ-то управиться.

А было у царя три сына, всѣ трое женаты, при отцѣ жили. Вотъ царь и призвалъ къ себѣ снохъ, и старшую и середнюю и младшую, и рѣшилъ испытать, кому изъ нихъ большухой быть.

— Какой,—говоритъ,—голосъ больше слышенъ?

Старшая думала, думала,—какой голосъ?

— Да вотъ,—говоритъ,—батюшка, намедни бычокъ за Москва-рѣкой рычалъ, такъ у Андроньева на обѣднѣ слышно было.

— Эка, дурёха!—отставилъ царь старшую сноху и къ середней:—какой голосъ дальше слышно?

— Пѣтухъ у насъ, батюшка, седни пѣлъ по утру, а въ Сокольникахъ у мамушки слыхали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладилъ: ну, чего съ такой спросишь?—и къ младшей:

— Какой голосъ дальше слышно?

— Не смѣю, батюшка, сказать, сами знаете.

— Какъ такъ, говори, не бойсь.

— Хлѣбный голосъ дальше слышно.

— Какой такой хлѣбный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормитъ, да голоднаго не забываетъ, накормитъ, согрѣетъ, утѣшитъ, про того далеко слышно.

— Ну,—говоритъ царь,—умница ты, Поля, по русски сказала, такъ и будь ты большухой.

— И пошло съ этихъ поръ на Руси—хлѣбный голосъ всѣхъ дальше слышенъ.

Алексѣй Ремизовъ.

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...

I.

Когда началась война, общество безъ колебаній признало, что всѣ силы должны быть направлены къ тому, чтобы великая опасность, непосредственно грозящая странѣ, получила должный отпоръ.

Это признаніе само по себѣ имѣло громадное значеніе:

могли быть опасенія, что значительный размахъ внутренней политической борьбы не остановится сразу передъ лицомъ войны, реальная возможность которой была внѣ сознанія народныхъ массъ.

Но если въ первые дни можно было ограничиться проявленіемъ единодушнаго настроенія, сдѣлавшаго войну народной, то въ дальнѣйшемъ общество встало передъ необходимостью разрѣшить неизмѣримо болѣе трудный вопросъ: претворить свой порывъ въ дѣйственную энергію, соотвѣтствующую тѣмъ задачамъ, которыя легли на Россію въ этой войнѣ. Для этого стало необходимымъ пересмотрѣть идеологическія предпосылки нашей общественной работы, найти въ нихъ мѣсто не только для мира, но и для войны, и создать соотвѣтствующую практическую программу такъ, чтобы она не была рѣзкимъ прыжкомъ, разрывающимъ со старыми программами и методами дѣйствія, а послѣдовательнымъ, органическимъ ихъ развитіемъ.

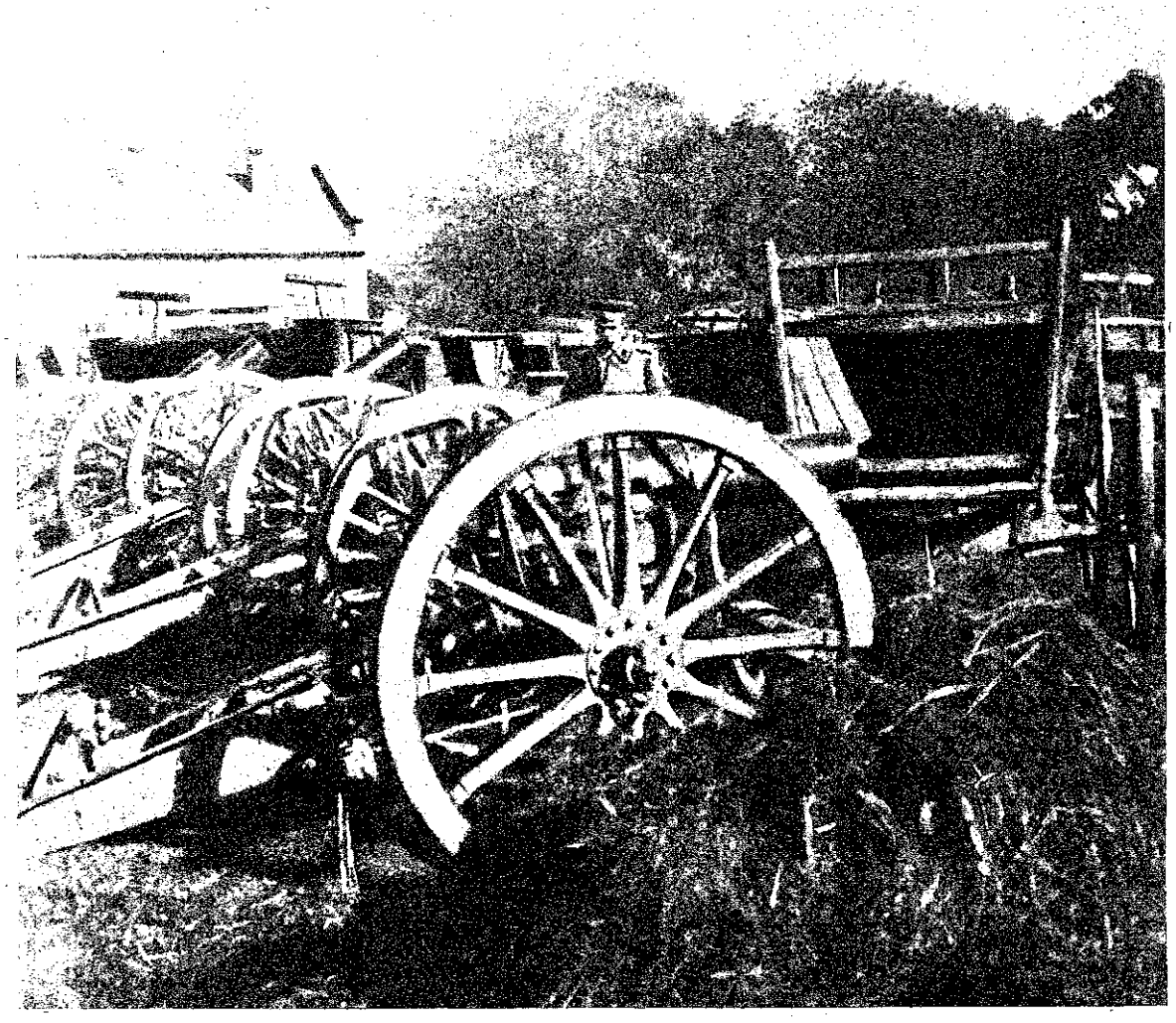
Подобная задача встала не только передъ русскимъ обществомъ. Интеллигенція всѣхъ воюющихъ странъ столкнулась съ нею. Но, повидимому, не только наши противники, но и наши союзники оказались счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи. Перелицовка мирной общественной идеологіи въ идеологію военную тамъ совершилась, быстрѣе, легче и, пожалуй, опредѣленнѣе, чѣмъ у насъ. Германцы и здѣсь побили всѣ рекорды военной подготовленности: заявленія ихъ ученыхъ, статьи ихъ публицистовъ свидѣтельствуютъ, что они словно давно предвидѣли эту необходимость и на ряду съ военными автомобилями, аэропланами и плугами для рытія траншей и погребенія павшихъ, давно придумали и таили въ арсеналахъ своего духа воинственную идеологію съ детально разработанной и на диво обдуманной практикой ея проведенія. Мобилизація духа, какъ и мобилизація арміи, прошла у нихъ съ быстротой и совершенствомъ.

II.

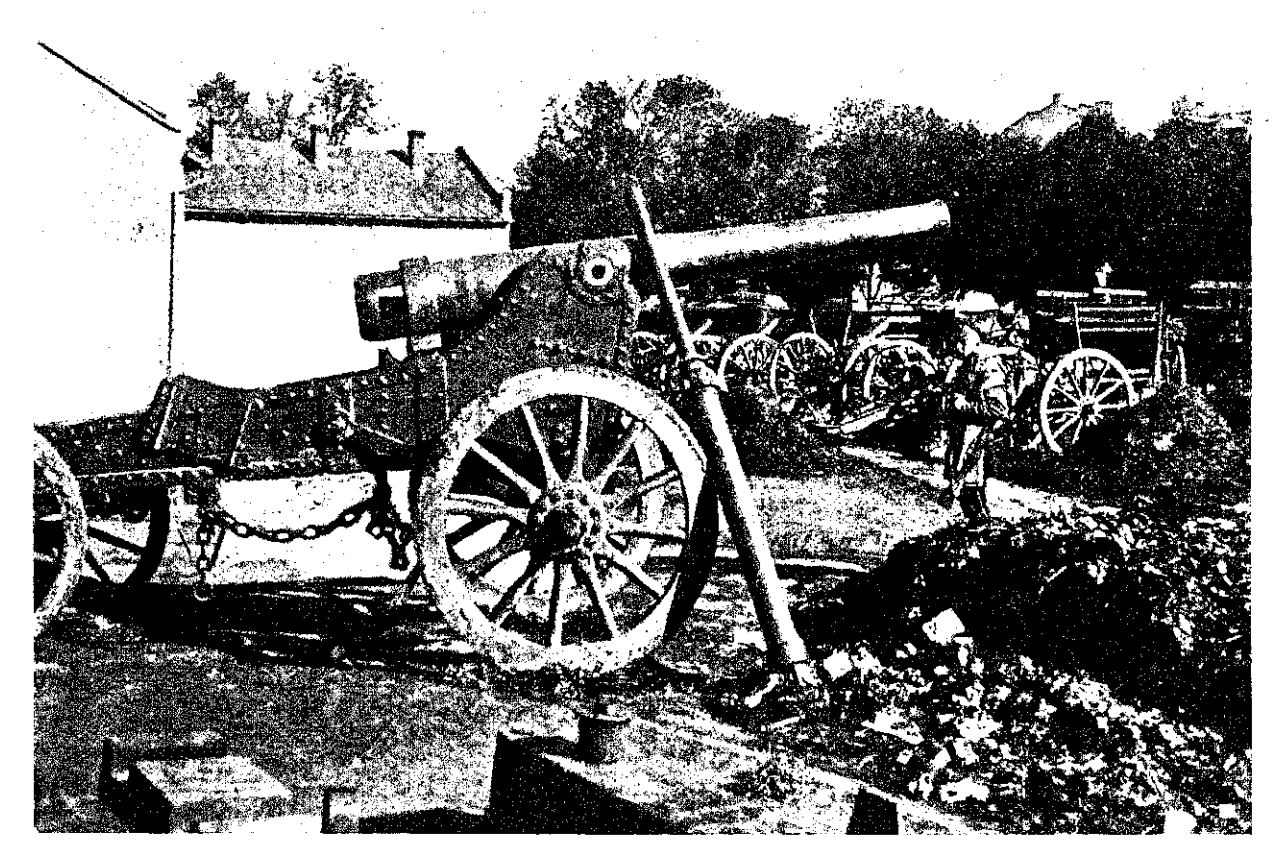
Жизнь наша сложилась такимъ образомъ, что теорія у насъ всегда преобладала надъ практикой. Вѣроятнѣе всего потому, что практика ставила задачи настолько примитивныя съ точки зрѣнія общаго развитія цивилизованныхъ государствъ, что почти всякое наше движеніе мы могли освѣщать ссылками на неумолимые законы исторіи. Мы всегда заранѣе знали, куда и благодаря какимъ силамъ идемъ. Это лишало насъ очарованія вступать въ невѣдомыя области общественнаго строительства. Это было для насъ точно путешествіемъ по исторической аренѣ съ путеводителемъ Кука въ рукахъ — повсюду англичане и французы были ранѣе насъ и разсказали, что будетъ дальше. Но мы сжились съ этимъ, и мы привыкли смотрѣть на исторію, какъ на нѣчто закономѣрное и въ ея закономѣрности видѣли нашего лучшаго друга и союзника, залогъ осуществленія всѣхъ общественныхъ идеаловъ.

Нынѣ же мы встали передъ какимъ-то неизвѣстнымъ, катастрофическимъ сдвигомъ. Подобнаго тому, что совершается теперь, мы не находимъ ни на одной страницѣ міровой исторіи. Все необычно, каждый день ужасающе новъ. И намъ, примирившимся съ участью, что надо плестись за Европой, пришлось, неожиданно, вмѣстѣ со всей Европой, участвовать въ гигантскомъ прыжкѣ въ неизвѣстность, имя которой: міровая война. Прямой историческій путь, по которому мы собирались итти, неожиданно рѣзко свернулъ въ сторону. И, видя, какъ туманомъ заволакивается все, для достиженія чего шла борьба, приносились жертвы, мы невольно съ тревогой спрашиваемъ себя: не заблудились ли мы?

Думая по старому, мы можемъ быть безсильными понять историческое значеніе войны: вѣдь даже въ обычное, мирное время, когда каждая мелочь нашего общественнаго уклада создается цѣлыми годами, мы часто были не въ силахъ уловить смыслъ общественныхъ событій; насколько же безпомощнѣе мы теперь, когда



НАШИ ТРОФЕИ.



НАШИ ТРОФЕИ.

нѣсколько мѣсяцевъ борьбы разрѣшаютъ длительнѣйшіе и запутаннѣйшіе вопросы міровыхъ отношеній!

III.

. . . . . .

. . . . . .

Заимствовавъ такъ многое отъ запада, оплодотворивъ себя чужой культурой, мы привыкли къ чувству и сознанію родства со всѣми народами. Международная солидарность для насъ не отвлеченный принципъ, а живая, близкая и понятная правда. Тѣмъ болѣе, что, къ счастью, исторія уберегла насъ отъ настроенія жажды реванша или жажды владычества и завоеваній. И теперь, когда содружество народовъ смѣнилось ожесточенной борьбой, когда даже въ каждомъ не борящемся государствѣ съ подозрительностью приходится высматривать, кто это, другъ или врагъ,—въ это время мы болѣе другихъ чувствуемъ бѣдственность отказа отъ мирнаго сожительства и общенія между народами, между частями человѣчества.

. . . . . .

. . . . . .

IV.

Воевать надо, и для отраженія грозящей опасности всѣ силы духа должны быть брошены на вѣсы войны.

Но какъ направить прежніе интеллектуальные запасы? Какъ использовать раціоналистическія представленія о нашихъ общественныхъ задачахъ? Какъ быть съ космополитическими настроеніями? Какъ совершить эту грандіозную перелицовку нашей идеологіи и притомъ совершить подъ громъ орудій, въ суетѣ военныхъ сборовъ, при отсутствіи прежнихъ средствъ обмѣна мнѣніями, безъ собраній, безъ возможности коллективныхъ рѣшеній? И, была опасность, что русской интеллигенціи суждено остаться именно лишь свидѣтелемъ, лишь благожелательнымъ нейтральнымъ наблюдателемъ, а не участникомъ борьбы; что оставаясь вѣрной своей природѣ, она не сумѣетъ стать активной по отношенію къ войнѣ.

А между тѣмъ ни одна минута не была потеряна. Колебаній не было ни на мгновеніе. На смѣну старымъ навыкамъ, рядомъ съ привычной идеологіей, выдвинулись новыя чувства и представленія которымъ нѣтъ иного слова, какъ: стихійная вѣра въ Россію.

Конечно, вѣра въ Россію жила въ насъ всегда. Но наши дѣйствія, наши мысли и желанія намъ не приходилось непосредственно связывать съ этой вѣрой. И теперь, когда она выдвинулась на первый планъ въ практикѣ общественной дѣятельности—*она намъ кажется и новой и радостной.* И хотя все осталось какъ бы по старому: тѣ же люди, къ которымъ мы давно опредѣлили свое отношеніе; тѣ же учрежденія, сущность которыхъ нами давно усвоена; то же общество, съ тѣми же спорами, неурядицей и безтолочью... Но все это наполнилось новымъ, ранѣе невидимымъ смысломъ, окуталось какимъ-то сіяніемъ, сливающимъ въ единое цѣлое всю прежнюю разруху нашей жизни, обрекающимъ весь народъ на выполненіе какихъ-то грандіозныхъ, словами невыразимыхъ задачъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ родилась непоколебимая убѣжденность: эти задачи не расходятся съ тѣми, которыя общество ставило себѣ до войны. Вѣдь духъ творцовъ отражается въ твореніи; всякая сила, активно дѣйствующая въ историческомъ событіи, самимъ участіемъ своимъ придаетъ ему смыслъ, соотвѣтствующій своей природѣ. И дѣйствуя нынѣ, нашей интеллигенціи приходится итти новымъ, невѣдомымъ путемъ, но идетъ она къ прежней, всѣмъ существомъ ея опредѣляющейся цѣли.

Порывъ единодушенъ и чудесенъ и надо дорожить имъ. Не надо искусственно толкать мысль на прежнія стези, не надо отрывать общество отъ гигантской работы созданія новой идеологіи, отъ поисковъ новыхъ путей. Оно нуждается въ свободѣ думать, въ свободѣ чувствовать. Не колеблите вѣру. Не дѣлите заранѣе честь и славу историческаго подвига, который единъ и нераздѣленъ и принадлежитъ всему народу. Дайте стоя во весь ростъ освоиться съ новымъ самосознаніемъ.

Вѣдь подумать только, какой пламенной силой была бы Россія, если бы стихійная вѣра въ нее превратилась въ сознательную увѣренность, въ спокойное убѣжденіе, что въ уже осуществляющемся народъ имѣетъ залогъ дальнѣйшихъ воплощеній своихъ чаяній и надеждъ!.

В. Станкевичъ.

ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ. ГЕРМАНСКІЕ ТРУПЫ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ВЫБОРЪ ОРІЕНТАЦІИ.

НА-ДНЯХЪ одинъ умный и талантливый писатель, побывавшій близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ разрываются шрапнели, говорилъ мнѣ:

— У солдатъ совсѣмъ другое отношеніе къ врагу, чѣмъ у насъ,—чисто дѣловое. Замѣчательно уже то, что солдатъ никогда не ругаетъ нѣмца.

Черта утѣшительная, показывающая высокій строй народной русской души. Гораздо болѣе высокій, чѣмъ думаютъ тѣ прекрасные городскіе люди, которые считаютъ необходимымъ предостеречь русскаго человѣка и оберечь его душу отъ озлобленія противъ нѣмцевъ. Мужикъ пошелъ на войну, какъ на высокое и трудное дѣло, дѣло необходимое, дѣло защиты родины отъ напавшаго врага надобно заступиться при томъ за обиженныхъ, за сербовъ и, кромѣ того, войною добыть какую-то драгоцѣнную правду. Сердиться на врага ему прежде всего и некогда; въ самой битвѣ онъ лютъ, но сердце имѣетъ отходчивое, и крѣпко помнитъ, что противъ него идетъ такой же, какъ онъ, мужикъ, оторванный отъ домашней работы и обязанный итти, куда шлютъ, защищать свою родину и добывать свою правду. Въ этомъ—вся истинная философія и психологія войны. Надобно честно и стойко дѣлать свое дѣло, стоять до конца за свое, а кому побѣдить,—это Богъ разсудитъ. Въ народномъ пониманіи война—судъ Божій между народами, почему и нельзя вносить въ нее озлобленіе.

Германскія войска при отступленіи оставляютъ своихъ убитыхъ.

А вотъ мы, въ городахъ, такъ называемая интеллигенція, съ такимъ эпическимъ спокойствіемъ и незлобіемъ отнестись къ страшному и трудному дѣлу войны не можемъ. Врагъ нашъ въ нашемъ представленіи—не мужикъ вооруженный и не рабочій около пушки, а воюющая съ нами отвлеченная Германія. Съ этою Германіею мы связаны многообразными узами, связями духовными и матеріальными, идеями, наукою, искусствомъ, культурою, знакомствами, симпатіями, срослись съ Германіею ужъ очень плотно, и для насъ остріе меча рѣжетъ по живому мѣсту, и намъ больно. Костромскому мужику легче,—нашей боли онъ чувствовать не можетъ,—мечъ, разящій насъ больно, у него падаетъ по пустому мѣсту.

Когда мы думаемъ о войнѣ, мы думаемъ не столько о прерванномъ для войны трудѣ мужика тамбовскаго, или ганноверскаго, или бретонскаго, сколько о разрушенномъ Лувенѣ, о Реймскомъ соборѣ, о нехорошихъ поступкахъ курортныхъ германскихъ врачей, о газетныхъ статьяхъ германскихъ публицистовъ, поэтовъ, ученыхъ, о ихъ ненависти къ намъ, русскимъ, которыхъ они зовутъ варварами, и о томъ особенно, оказалась ли германская культура на высотѣ тѣхъ гуманныхъ идей, которыми мы, среди всего неустройства и зла жизни нашей, такъ дорожимъ. Словомъ, думаемъ обо всей роскоши и накипи интеллигентскаго бытія. И вотъ въ этомъ узлѣ для насъ завязывается трагедія, которая рязанскому мужику такъ же мало понятна и доступна, какъ и другія наши радости и огорченія, но которая намъ дошла до сердца и исторгаетъ изъ насъ то гнѣвныя, то скорбныя рѣчи. Передъ нами стоитъ трагическій вопросъ: сохранить ли намъ

Зимніе вязаные шлемы нѣмцевъ.

Германцы спѣшатъ съ мѣста стоянки въ окопы.

Зимніе вязаные шлемы нѣмцевъ.

Зимняя одежда француза

Защита отъ холода бельгійцевъ.

Британскіе часовые на посту въ зимней одеждѣ.

Баварецъ зимой на посту.

нашу влюбленность въ европейскую, въ частности, въ германскую культуру, или это европейское, германское, разлюбить.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вотъ въ этомъ-то и состоитъ наша интеллигентская трагедія. Кто милѣе: Европа или Россія? Гдѣ наша истинная родина? въ степяхъ восточной Европы или въ паркахъ Версаля?

Мнѣ кажется, что нѣтъ другого сословія или класса, обреченнаго на болѣе скорбную трагедію, чѣмъ прекрасная, многострадальная русская интеллигенція. Каждый классъ имѣетъ свой интересъ, отстаиваетъ его, какъ умѣетъ, и видитъ врага въ томъ, кто и есть его врагъ. Русская интеллигенція привыкла видѣть свой интересъ въ торжествѣ справедливости и гуманности, въ устройствѣ счастія для мужика, для рабочаго, для Польши, для евреевъ. На своемъ высокомъ пути она почти всегда одинока, и тамъ, гдѣ она видитъ друзей, къ ней, въ лучшемъ случаѣ, холодны.

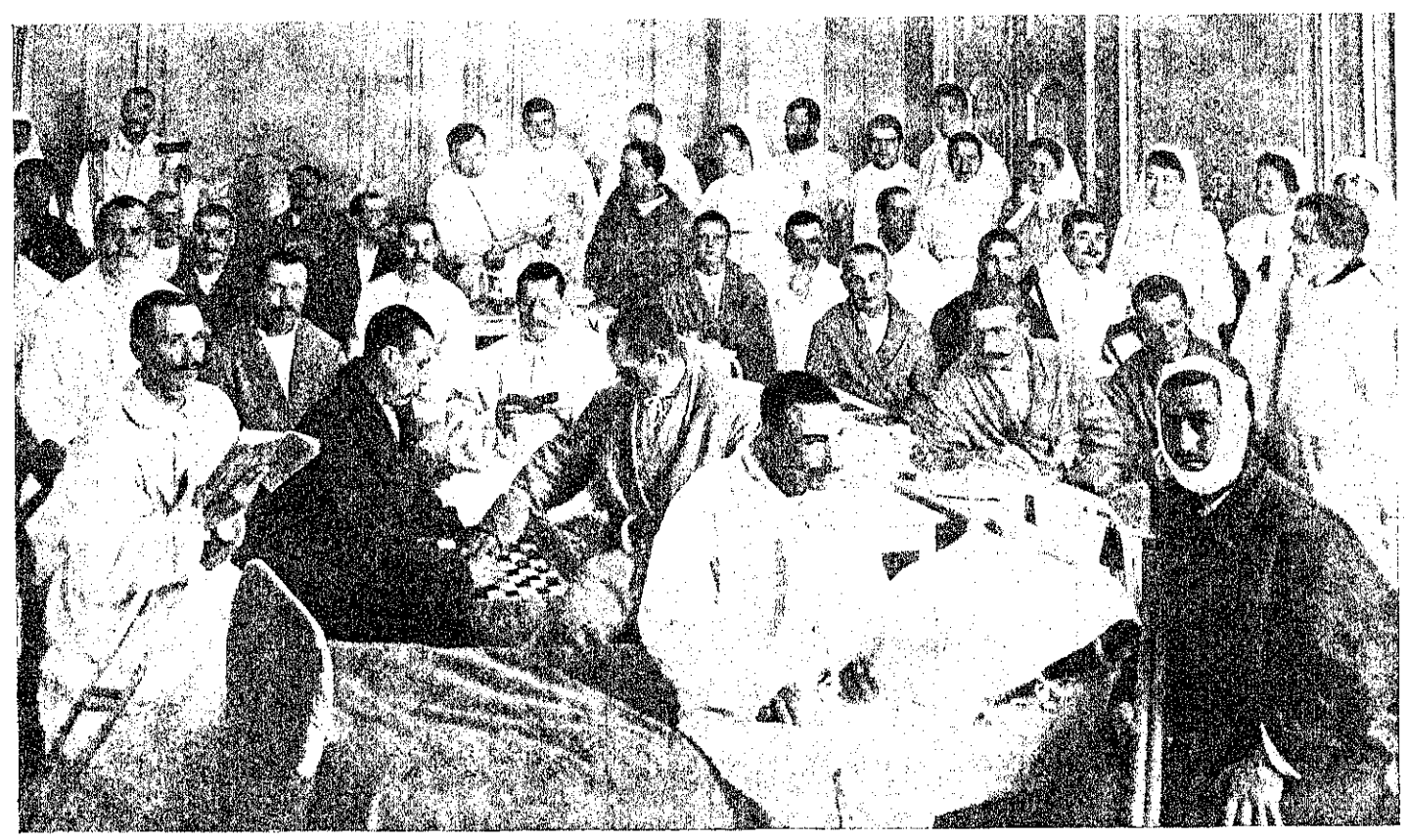
Мы влюблены въ европейскую цивилизацію, въ ея внѣшнюю культурность, а европейцы говорятъ: «поскребите русскаго, найдете татарина»; и мы очень стыдимся этой пословицы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ трезвый, трудолюбивый и честный татаринъ хуже смѣкалистаго и плутоватаго германскаго комми-вояжера или парижескаго куафера. Мы влюблены въ народъ, но смотримъ на него Кавказскими плѣнниками: «европейца все вниманье народъ сей дикій привлекалъ»; а народъ смотритъ на насъ, какъ на существа безконечно чуждой природы. Потому-что мы приходимъ къ нему, наглотавшись европейскаго яда, но очень все-таки слабые по части европейской техники; а вѣдь только европейская техника намъ и нужна, что очень хорошо понимаетъ и пермскій, и подольскій мужикъ, очень хорошо умѣющій оцѣнить достоинства хитрой нѣмецкой машины, если только она притащена въ деревню не зря и безъ толку, а въ строгомъ согласованіи съ мѣстными условіями.

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій, обривъ наши бороды и научившись у голландцевъ кораблестроенію, у шведовъ—ратному дѣлу, и вообще у европейцевъ многому полезному, прорубилъ окно въ Европу,—вотъ только съ этого времени мы и ведемъ свою исторію цивилизаціи, и если бы у насъ, какъ у англичанъ, былъ свой Бокль, онъ не начиналъ бы отъ временъ Олеговыхъ.

«Великаго Петра
Онъ звалъ отцомъ Россіи новой;
Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Въ основѣ всякаго добра».

А раньше Петра мы, повидимому, были дикими, вродѣ папуасовъ.

Европа стала для насъ страною святыхъ чудесъ, вѣчнымъ образцомъ того, къ чему слѣдуетъ стремиться. Она и дала намъ много добраго и полезнаго. Дала, конечно, не даромъ. Наши труды и затраты на Европу, поистинѣ, колоссальны. Мы и воевали-то часто за европейскіе инте-



РАНЕНЫЕ ВЪ ЛАЗАРЕТѢ АРТИСТОВЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ресы. Въ мирное же время мы усердно обогащали ее. Русскіе путешественники своими деньгами помогли германцамъ имѣть отличныя дороги, великолѣпные курорты и превосходныя крупповскія орудія, въ то время, какъ русскій мужикъ кряхтитъ отъ бездорожья, а русскій горожанинъ гнушается русскими лѣчебными мѣстами.

Въ благодарность за это пользующаяся нами Европа всегда смотрѣла на насъ свысока, и мы все никакъ не могли догнать ее, хотя право же и у насъ кое-что свое было.

Только въ послѣднія десять лѣтъ работы Государственной Думы дали сравнительно болѣе быстрый темпъ нашей ученической работѣ. И что въ этой работѣ мы, дѣйствительно, двинулись впередъ за это десятилѣтіе очень далеко, показываетъ уже ходъ войны: ни одна война со временъ Петровыхъ не шла такъ удачно для насъ (если принять во вниманіе ея исключительную трудность), какъ эта война. И эта творческая работа общественныхъ силъ отразилась на простомъ народѣ, который пошелъ на эту войну съ такимъ подъемомъ, какого онъ не зналъ, можетъ быть, со времени Куликовской битвы. Въ этомъ и есть залогъ того, что война принесетъ народу нѣкое положительное и высокое благо, и что кровь проливается не даромъ. Съ такимъ подъемомъ ведутся только освободительныя войны.

Интеллигенція же наша переживаетъ критическій моментъ. Если она и для себя желаетъ отъ послѣдствій этой войны нѣкоего блага, если она хочетъ, чтобы и для нея эта война стала освободительною, то ей придется многое преобразовать въ строѣ своего міропостиженія. Европейская оріентація, проводимая слишкомъ прямолинейно и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ не она потребна, оказывается для насъ столь же трагическою, какъ для поляковъ могла бы оказаться оріентація австрійская, если бы поляки пожелали въ этомъ упорствовать.

Кризисъ европейской оріентаціи состоитъ не въ томъ, что европейская культура оказалась несостоятельною; неправъ опрометчивый поэтъ, сказавшій про эту культуру, что

«гнила культура, какъ рокфоръ».

Европейская, въ частности, германская культура еще крѣпка и добротна, что и сказывается, между прочимъ, въ той дѣловитости и въ томъ одушевленіи, съ какими германцы ведутъ эту войну. Но намъ-то культура эта не съ родни.

Европейская оріентація у насъ терпитъ кризисъ,—размѣры котораго такъ велики, какъ мы теперь только съ трудомъ можемъ представить, — потому, что европейская культура потребна намъ только отчасти, въ предметной своей части, а не цѣликомъ, какъ мы хотѣли ее взять. Никогда, думаю я, не дойдемъ мы до того «культа вещей», которымъ такъ характеризуется та же нѣмецкая цивилизація, и никогда душу свою, Марію, не промѣняемъ на тѣло ея, Марфу.

Этотъ культъ вещей порабощаетъ европейца и держитъ его въ очень тѣсныхъ рамкахъ буржуазнаго бытія. Мы свободны отъ этого рабства вещамъ, и должны остаться свободными.

Это не значитъ, конечно, что намъ слѣдуетъ отвергнуть матеріальную культуру Европы. Технику и законодательство, манеру строить дороги и дома и строить даже внѣшнія формы жизни, — все это будемъ брать по-прежнему или даже еще энергичнѣе, но всему этому дадимъ только служебное значеніе. Пусть побывавшая въ европейской школѣ

Проф. Пэрсъ, въ числѣ пяти иностранныхъ корреспондентовъ, провелъ нѣкоторое время въ русской дѣйствующей арміи. Бесѣда его съ русскимъ раненымъ въ Львовскомъ госпиталѣ.

Мареа хлопочетъ и заботится о всемъ внѣшнемъ,—хозяйкою нашего великаго русскаго дома останется все же мечтательная и молитвенная Марія, сидящая у ногъ Христовыхъ.

АВСТРІЙСКІЯ ЗВѢРСТВА ВЪ СЕРБІИ.

Мы—не Западъ, и никогда Западомъ не будемъ. Мы—Востокъ религіозный и мистическій, Востокъ Христа, предтечами котораго были и Платонъ, и Будда, и Конфуцій. Трагедію нашу мы должны разрѣшить въ томъ, чтобы надъ крушеніемъ европейской оріентаціи вознести то новое слово, которое мы давно обѣщаемъ міру, но которое уже давно дано намъ въ мистическомъ міропостиженіи Востока. Довольно намъ оріентироваться на Западъ, пора намъ найти въ самихъ себѣ нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное свое, вспомнить древнія наши были, оживить въ душѣ торжественные звоны вѣчевыхъ колоколовъ.

Въ идеалистичности нашей интеллигенціи, въ ея высокой незаинтересованности лично для себя, вотъ въ этомъ нашемъ прекрасномъ свойствѣ и сказывается наша тоска по тому сокровищу, которое намъ дано, но которое мы держимъ подъ спудомъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ КАРПАТЫ.

Войска побѣдоносныя
Идутъ на Будапештъ,
Въ терпѣньи, безвопросныя,
Исполнены надеждъ.

«Идемъ себѣ не знаючи
Дорожкою-путемъ...
Во Львовѣ были давеча,—
Куда теперь идемъ?»

Идутъ себѣ веселыя,
Въ святой своей тоскѣ...
Вокругъ—долины голыя,
Карпаты—вдалекѣ.

«Карпаты—дѣло плевое:
Намъ взять ихъ не хитро,
Когда у насъ здоровое
Россійское нутро!

Ходите, ноги рѣзвыя!
Дыши вольготнѣй, грудь!
Мы—хлѣбныя, мы—трезвыя,
Осилимъ какъ-нибудь...»

— Храни васъ Богъ, любимыя,
У вражьяго лѣска,
Войска непобѣдимыя,
Чудесныя войска!

Игорь-Сѣверянинъ.

АВСТРІЙСКІЯ ЗВѢРСТВА ВЪ СЕРБІИ.

Перевозка раненыхъ въ Сербіи.

ГЕРМАНСКІЕ ПЛѢННЫЕ.

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА.

ГЛАВА I.

Первый походъ въ Восточную Пруссію.

(Продолженіе).

ГЕНЕРАЛЪ опять перемѣнилъ свое мѣстопребываніе, чтобы быть поближе къ позиціямъ. Ждали событій. Развѣдчики доносили, что съ вершины деревьевъ на высокихъ пунктахъ нашего берега видно, какъ къ городу Л. за рѣкой непрерывно одинъ за другимъ прибываютъ съ запада поѣзда, выгружаютъ войска и колонны куда-то уходятъ. Назрѣвало что-то серіозное. Усиливалась дневная стрѣльба нѣмецкихъ орудій, на которую наши почти не отвѣчали, чтобъ до времени не обнаружить себя. Уже всѣ послѣднія ночи нѣмецкая пѣхота, переходя черезъ рѣку по желѣзнодорожному мосту пыталась выбить изъ лѣсу нашу, но послѣ упорныхъ схватокъ, отбиваемая огнемъ и штыками, отхлынула назадъ. Въ темнотѣ у рѣки, что ни вечеръ, безпокойно стрекотали пулеметы и глухо ухала тяжелая нѣмецкая артиллерія. Въ воздухѣ вѣяло близостью рѣшительнаго боя и мы собирались принять его.

Новая квартира начальника была назначена при маленькомъ желѣзнодорожномъ полустанкѣ, невдалекѣ отъ центра нашихъ боевыхъ позицій.

Мы переѣхали туда подъ вечеръ. Это было самое лучшее изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ мы жили.

Богатая барская вилла, съ красивымъ еще молодымъ англійскимъ паркомъ. Стриженыя аллеи, желтыя дорожки, переплетающіяся въ затѣйливомъ узорѣ, купы позднихъ осеннихъ розъ и овальный искусственный прудъ съ медлительно-важными лебедями на розовѣющемъ его зеркалѣ.

У самаго берега повозка на боку, сползшій въ воду цѣлый ворохъ дорогихъ ковровъ въ глубокихъ тонахъ поблекшаго гобелена. Бѣжали видимо ночью. Повозка завалилась и пришлось ее бросить.

Въ домѣ великолѣпная мебель, сдвинутая въ безпорядкѣ. Хотѣли, должно быть, вывезти и не успѣли. Бросили, какъ было. Столы и кресла краснаго дерева, отличный рѣзной дубовый кабинетъ, глубочайшіе диваны, обитые темнымъ бархатомъ, художественной работы шкафъ съ инкрустаціей изъ разноцвѣтнаго дерева, граціозныя шифоньерки, маленькіе столики съ рельефной бронзовой отдѣлкой. Огромнѣйшія кровати краснаго дерева съ цѣлыми горами матрасовъ, перинъ и пуховиковъ.

Здѣсь мы расположились комфортабельно. Разставили мебель по своему. Кабинетъ—для генерала. Рядомъ комната наша—адъютанта и двухъ офицеровъ. Въ пріемной очередные ординарцы. Дальше въ коридорѣ въ особой комнатѣ аппараты полевыхъ телефоновъ, черезъ часъ уже соединившихъ насъ съ высшимъ начальствомъ и съ отдѣльными боевыми участками.

Распаковали чемоданы, вынули бѣлье, приготовили постели.

Выйдя изъ дому, я поставилъ сзади и спереди часовыхъ, а самъ пошелъ прогуляться по парку.

Вечерѣло. Закатный пламень тихо догоралъ на горизонтѣ. Прозрачное небо—какъ огромная опрокинутая надъ міромъ блѣдносапфировая чаша съ розовыми прожилками облачныхъ волоконъ. Иду по пустыннымъ аллеямъ, кое-гдѣ усыпаннымъ желтыми листьями. Вотъ мраморный замолкшій фонтанъ, Сажусь на скамейку, укрытую высокимъ экраномъ изъ стриженой зелени. Какой уютный уголокъ для влюбленныхъ!

Гдѣ вы, шептавшіе здѣсь нѣжныя рѣчи? Горячій вѣтеръ, вѣтеръ, летящій съ пожарищъ, развѣялъ любовныя клятвы и не плачетъ ли теперь любимая объ утраченномъ женихѣ.

Вверху гудитъ. По небу шаритъ нѣмецкій аэропланъ. Нашъ домъ на холмѣ видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Въ окнахъ уже замелькали огни. Иду къ дому. Черезъ пять минутъ окна затянуты тяжелыми спущенными портьерами. Гдѣ не хватило, заколочены коврами. Домъ погружается въ темноту.

Генералъ готовитъ приказы. Завтра, надо думать, бой.

Командиръ одного изъ полковъ прислалъ большую пачку нѣмецкихъ погоновъ и солдатскихъ билетовъ съ обозначеніемъ частей и фамилій. Это снято съ убитыхъ послѣ только что отраженной нѣмецкой аттаки. Все въ крови, многое прострѣлено пулями. Гляжу на красныя пятна, расплывшіяся по сѣроватой бумагѣ. Какъ просто! Совсѣмъ какъ пролитыя неосторожно красныя чернила. Посмотрѣвъ, кладу на подоконникъ.

На столѣ тарелки, ножи и вилки.

Изъ кухни тащатъ дымящіеся бифштексы. Есть бѣлый хлѣбъ. Сегодня будетъ пиръ. Велѣли еще сварить чернаго кофе. Отправимъ приказы и рано заляжемъ спать.

Захожу провѣрить телефонистовъ. Вдругъ четыре протяжныхъ и рѣзкихъ гудка. Это вызовъ высшаго начальства. Беру трубку. Отчетливый, металлическій голосъ вызываетъ начальника отряда. Иду въ кабинетъ,—докладываю и возвратившись вмѣстѣ, передаю генералу трубку. Стою сзади, ожидая распоряженій. Генералъ внимательно слушаетъ. Его брови сдвинулись.

«Выйдите всѣ».

Я и телефонисты выходимъ изъ комнаты. Творится, что-то важное. Черезъ пять минутъ генералъ созываетъ офицеровъ въ кабинетъ.

«Приказано немедленно отступать. Садитесь,—я продиктую приказы войскамъ. Разослать ихъ немедленно съ ординарцами и подтвердить по телефону».

Впослѣдствіи мы узнали, что противъ нашей арміи въ тотъ день стояло 8 новыхъ корпусовъ нѣмецкихъ, спѣшно переброшенныхъ съ французскаго фронта, чтобъ остановить нашъ стремительный набѣгъ въ Восточную Пруссію,—въ этомъ отвлеченіи и состояла наша задача. Но въ тотъ моментъ мы, простые офицеры, конечно еще не знали ничего.

Приказы продиктованы. Генералъ обращается ко мнѣ: «Распорядитесь укладываться. Пѣхотѣ, казакамъ и коннымъ ординарцамъ изготовиться немедленно. Мы выступаемъ черезъ тридцать минутъ».

Выходя, размышляю. Въ тридцать минутъ надо сдѣлать многое. Сперва приказываю личному прикрытію генерала, 28 пѣхотинцамъ, собраться, построиться и быть наготовѣ, казакамъ и коннымъ ординарцамъ немедленно сѣдлать лошадей. Теперь можно подумать и о себѣ. А думать есть объ чемъ.

. . . . . .

Всѣ эти дни, при переѣздахъ, наши вещи переправлялись на маленькомъ нѣмецкомъ тарантасѣ, но особой лошади съ упряжью къ нему не было.

. . . . . .

Какъ быть теперь! Быстро рѣшаю. Надо спѣшить моего коннаго вѣстового. Лошадь впрягу въ тарантасъ, самъ онъ за кучера. Остановка за упряжью. Я долженъ добыть ее! Не оставлять же мнѣ въ жертву нѣмцамъ мое бѣлье, мои куртки, наконецъ, мой нелѣпый брезентовый чемоданъ-кровать системы «Дементъ». Я купилъ его въ Москвѣ за 42 рубля по совѣту моего добраго друга поэта А. Брюсова (онъ же Alexandèr), который понимаетъ толкъ рѣшительно во всемъ и разсуждаетъ такъ убѣдительно, что ему нельзя не повѣрить. Я проклиналъ въ походѣ не разъ этотъ грузный, громоздкій и жесткій аппаратъ, гдѣ всѣ перекладины выпираютъ вамъ прямо въ ребра, но это мой крестъ и я хочу нести его честно. Гдѣ найти упряжь? Въ конюшняхъ пусто. Интуиція подсказываетъ: чердакъ. Шарю на чердакѣ съ электрическимъ фонаремъ, нахожу чуланъ, въ чуланѣ пара отличныхъ шлей. Полъ дѣла сдѣлано. Остаются постромки. Гляжу по сторонамъ. Круги какихъ-то шелковыхъ съ проволокой кабелей для электрической проводки. Годится! Ура, мой «Дементъ» спасенъ! Все это забираютъ вѣстовой и денщикъ. Гора съ плечъ долой! Теперь можно подумать и о кофе. Онъ уже давно стоитъ на столѣ и обидно оставлять его нѣмецкимъ разъѣздамъ.

Пока вѣстовые выносятъ уже сложенныя вещи и хлопочутъ съ тарантасомъ, я надѣваю шинель, застегиваю походное снаряженіе и торопливыми глотками пью крѣпкій, сладкій черный кофе.

Какая обида! Такъ и не удастся поспать эту ночь по богатому, въ отличной виллѣ, на нѣмецкихъ перинахъ. Проклятые нѣмцы! Такъ хочется учинить имъ на прощаніе какую-нибудь язвительность. Надо торопиться! Беру большой бѣлый листъ бумаги. Пишу на немъ краснымъ карандашомъ:

«Au revoir à Berlin.
Soldats russes».

Ставлю дату. Кладу на видномъ мѣстѣ на столъ и обкладываю ореоломъ изъ принесенныхъ нынче окровавленныхъ нѣмецкихъ погоновъ и солдатскихъ билетовъ. Вотъ такъ хорошо! Выхожу на улицу. Ночь темная. Небо успѣло одѣться въ тучи. Изрѣдка проглядываетъ луна. Выходя, смотрю на часы. Еще три минуты. Генералъ пунктуаленъ. Черезъ три минуты мы выступаемъ.

Генералъ въ своей коляскѣ проѣхалъ впередъ съ адъютантомъ и десяткомъ казаковъ. Съ нимъ же въ коляскѣ другой офицеръ-ординарецъ. Онъ пѣхотный и не имѣетъ лошади. Пропускаю сперва пѣхоту и повозки. Пересѣкаемъ желѣзную дорогу. Ѣду впередъ съ конными ординарцами. Нагоняю генерала. «Прапорщикъ! Я съ казаками и конными ординарцами поѣду болѣе сѣвернымъ путемъ. Вы свернете направо и поведете пѣхоту и повозки въ Мелаукенъ. Тамъ присоединитесь ко мнѣ. Мелаукенъ верстахъ въ двадцати. Онъ находится на востокъ.»

«Слушаю, Ваше Превосходительство».

Возвращаюсь къ пѣхотѣ. Сворачиваемъ направо и углубляемся въ лѣсъ по узкой дорогѣ.

Еще нѣсколько минутъ и темная чаща, словно задвинувшись, принимаетъ маленькій отрядъ мой въ свои непривѣтливыя нѣдра. Надо найти Мелаукенъ. Онъ находится на востокѣ.

Такъ началось отступленіе. *Сергѣй К.*

ПРОЖЕКТОРЪ. (Изъ дѣйствующей арміи).

БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

ДОКТОРЪ КОСТЯ.

Въ маѣ нельзя было повѣнчаться, потому что у Кости еще продолжались государственные экзамены. Ему везло. До сихъ поръ противъ его фамиліи вездѣ стояло слово: «весьма». Впереди рисовалось не всякому доступное счастье: благодаря довольно крупнымъ деньгамъ, оставшимся послѣ отца, Костѣ не предстояло съ первыхъ же шаговъ заняться практикой. Онъ мечталъ о клиникѣ и о бактеріологіи.

И его невѣста Таня, всего два года назадъ окончившая гимназію, всѣмъ казалась незаурядной дѣвушкой.

Въ іюнѣ, послѣ полученія диплома, вѣнчаться помѣшалъ Петровъ постъ, это злило и мучило ихъ обоихъ.

Анна Степановна—мать Тани, какъ будто не понимала, что жениху и невѣстѣ хочется побыть только вдвоемъ. Каждый день въ ея небольшую, но чудесную усадьбу пріѣзжали гости и устраивались пикники. И некуда было убѣжать. Поцѣлуи украдкой только раздражали.

Жара стояла безпощадная, даже и въ аллеяхъ стараго помѣщичьяго парка. Ночью мучили комары и надоѣдалъ своей болтовней братъ Тани, гимназистъ шестого класса—Саша. На правахъ будущаго родственника онъ говорилъ молодому доктору ты, хлопалъ его по плечу и курилъ его папиросы.

Съ каждымъ днемъ хотѣлось все сильнѣй и сильнѣй своей собственной жизни, только съ Таней и только для Тани. Предстоящая свадьба радовала Костю, но мысль о томъ, что въ этотъ день въ его интимное личное счастье будутъ заглядывать еще чьи-то чужіе глаза,—огорчала и бѣсила. Таня старалась утѣшить его и часто говорила:

— Послушай, нельзя же быть такимъ эгоистомъ, вѣдь мама, и братъ Саша, и мои подруги возлѣ которыхъ я прожила всю жизнь, вполнѣ естественно не могутъ отнестись спокойно и равнодушно къ тому, что я скоро уйду отъ нихъ и навсегда.

Костя соглашался, цѣловалъ каждый ея пальчикъ, но съ тоской глядѣлъ куда-то въ землю и отвѣчалъ искусственно шутливымъ тономъ:

— Ты права, моя чистая, моя хорошая, и я, какъ врачъ, самъ отлично понимаю, что перспективы у насъ на рѣдкость хорошія. Я переутомился во время каторжной экзаменаціонной жизни, ты знаешь, что передъ экзаменомъ по офтальмологіи со мной чуть не случилась истерика,—вотъ до чего дошелъ. Но странно устроенъ человѣкъ: я врачъ—никакъ не могу отдѣлаться отъ дурныхъ предчувствій, по ночамъ или ворочаюсь и безъ конца курю, или вижу страшные сны. Положимъ, и этому можно найти объясненіе: ваши деревенскіе ужины, но попробуй я не ѣсть, и твоя мама сейчасъ же самымъ серьезнымъ образомъ обидится и рѣшитъ, что мнѣ не угодили. Чортъ его знаетъ, не могу я выбить изъ своей головы мысли, что было бы лучше, если бы мы повѣнчались передъ экзаменами...

Удивительные нѣжнѣйшіе вечера на Днѣстрѣ не радовали доктора, и когда цѣлой компаніей отправлялись кататься на лодкѣ, ему казалось, что онъ не настоящій женихъ, а скорѣе похожъ на плѣнника, который долженъ сидѣть на галерѣ и безъ конца ворочать огромнымъ весломъ. Не развлекали его и ракеты и римскія свѣчи, и было страшно, какъ бы падающій обратно огонь не испортилъ пиджака или не попалъ за шею.

Послѣ фейерверка дѣлалось вдругъ такъ темно, что нельзя было различить людей.

Слышались только голоса. Подруга Тани—Надя хорошо декламировала. Особенно проникновенно выходило у нея стихотвореніе въ прозѣ:

«Какъ хороши,
Какъ свѣжи были розы»...

Услыхавъ его въ первый разъ, Костя пришелъ въ восторгъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ усадьбу невѣсты, не проходило ни одного вечера, чтобы Надя не повторяла на распѣвъ и немного въ носъ этихъ словъ. И теперь, на лодкѣ они уже не ласкали слуха, а казались издѣвательствомъ и надъ нимъ самимъ, и надъ поэзіей, и надъ Тургеневымъ.

Уѣздный городъ былъ въ десяти верстахъ, и туда ѣздили каждый день за почтой, за мясомъ и за другими покупками. Ѣздилъ иногда и Константинъ Ивановичъ на бѣгункахъ вдвоемъ съ Сашей или въ шарабанчикѣ съ Таней. Дорога утомляла его, но потомъ лучше спалось.

Докторъ купилъ себѣ двѣ коробки фитину и глоталъ его незамѣтно передъ обѣдомъ и ужиномъ. Черезъ пять дней ему уже казалось, что нервы пришли въ полный порядокъ. *Онъ хорошо зналъ*, что лѣкарство не могло такъ быстро поправить нервную систему, но радовался, что вернулось самообладаніе, а главное, что не мучатъ больше тяжелые сны. Несмотря на протесты будущей тещи, Костя наотрѣзъ отказался ужинать.

Время побѣжало немного быстрѣе.

РАЗСТРѢЛЪ АЭРОПЛАНА.

По разнымъ соображеніямъ свадьбу назначили на пятнадцатое іюля. Было рѣшено, что молодые, въ тотъ же день уѣдутъ за-границу. Докторъ Костя и Таня цѣлый день ходили подъ руку и, по выраженію ея брата, Саши, «лизались». Никто ихъ не трогалъ и даже было отдано распоряженіе не звать ихъ къ ужину.

Тринадцатаго іюля былъ особенно симпатичный день: и цвѣты, и птицы, и люди радовали Костю. Проснулся онъ въ семь часовъ утра и разбудилъ Сашу. Вмѣстѣ пошли на прудъ купаться. Здѣсь шалили, какъ дѣти, ныряли, топили другъ друга и гонялись за утками. Вернулись въ домъ какъ разъ къ чаю. Таня была въ нѣжно-сиреневомъ голубомъ платьѣ. Она подняла свои дивныя рѣсницы, поглядѣла на Костю и громко спросила при всѣхъ:

— Тебѣ чаю или молока?

И отъ этихъ простыхъ словъ въ груди Кости стало сладко. Прежде она стѣснялась говорить ему «ты».

— Молока, отвѣтилъ докторъ и подумалъ: «вѣдь это съ ея стороны дѣлая демонстрація и подвигъ».

Послѣ завтрака, несмотря на жару, Костя и Таня рѣшили ѣхать въ уѣздный городъ за покупками. Имъ подали шарабанчикъ, Костя взялъ вожжи. Таня легко вскочила съ лѣвой стороны. Сѣрый рысакъ покосился и выбрасывая ногами пошелъ къ открытымъ воротамъ.

Всю дорогу шутили и разговаривали. Не раздражали ни пыль, ни жара. На почтѣ взяли газеты, затѣмъ оставили лошадь на постояломъ дворѣ у еврея Мордуховича и отправились дѣлать покупки. Купили ненужное и забыли нужное, а когда опомнились, то уже былъ седьмой часъ вечера и очень хотѣлось ѣсть.

Провожатъ ихъ вышелъ самъ Мордуховичъ и таинственнымъ шопотомъ сказалъ:

— Вы знаете, господинъ докторъ, скоро будетъ война...

— Съ кѣмъ? недовѣрчиво спросилъ Костя.

— Какъ съ кѣмъ? — Съ Австріей...

— Кто же это знаетъ?

— Наши знаютъ...

— Чепуха, отвѣтилъ Костя, *приподнялъ фуражку* и тронулъ вожжи.

Когда снова выѣхали въ поле, Таня вдругъ спросила:

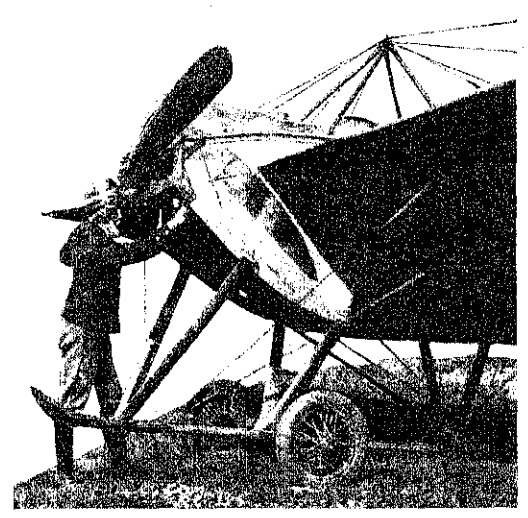
— А тебя могутъ взять?

— Конечно, могутъ...

— Какъ же тогда?.. опять спросила она, но уже другимъ упавшимъ голосомъ.

— Ахъ, да чепуха... Все равно, послѣ завтра мы оффиціальные мужъ и жена, — въ крайнемъ случаѣ за границу не поѣдемъ, вотъ и все... Вѣдь тебѣ со мной вездѣ хорошо?

— Вездѣ, милый, отвѣтила Таня и крѣпко сжала локоть его лѣвой руки.



ПЕРЕДЪ ПОЛЕТОМЪ.

Дома — въ усадьбѣ имъ оставили пообѣдать. Когда Таня и Костя доѣдали мороженое, пришла съ газетой въ рукахъ Анна Степановна, поправила очки и сказала:

— Читала, читала и ничего не пойму. Выходитъ такъ, что опять войной пахнетъ...

— Намъ объ этомъ и Мордуховичъ говорилъ, произнесъ Костя и засмѣялся.

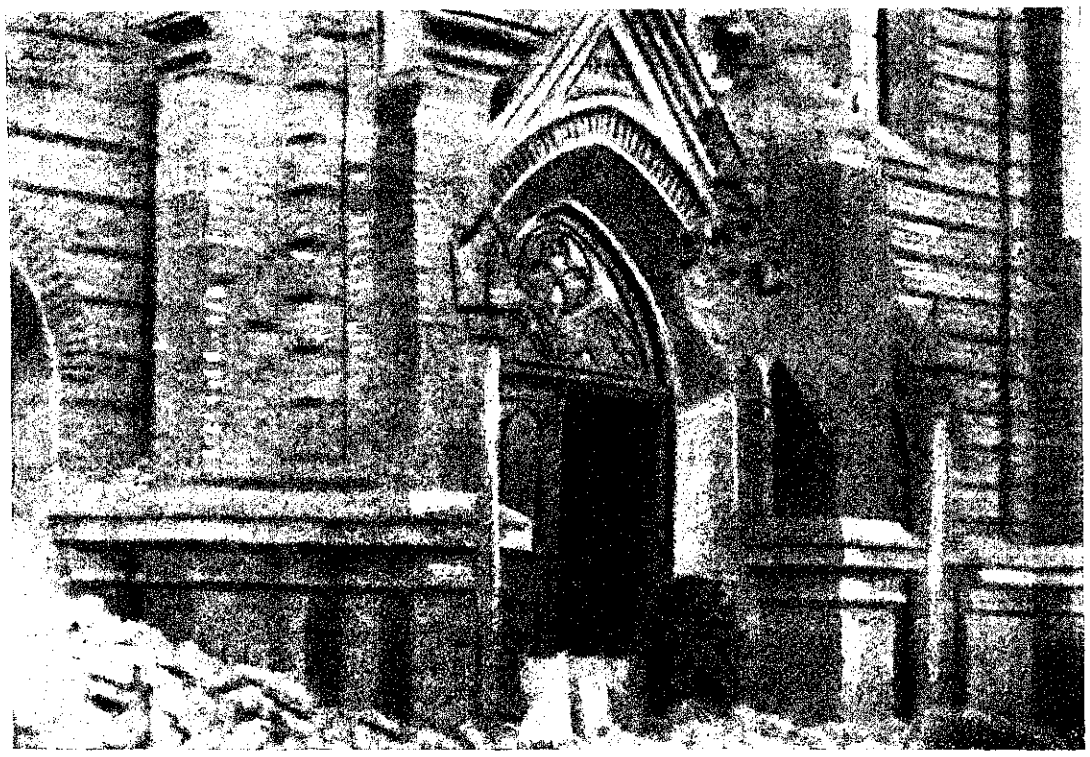
Лицо Анны Степановны стало серьезнымъ.

— Они все знаютъ...

Анна Степановна поглядѣла на дочь, на Костю, вздохнула, почему-то перекрестилась и ушла. Тревожно стало въ душѣ у каждаго изъ нихъ, но говорить о войнѣ не хотѣлось. Когда стемнѣло, женихъ и невѣста ушли въ глубькленовой аллеи посидѣть на своей любимой скамеечкѣ.

Не говорилось.

Костя насвистывалъ задумчивый мотивъ, и выходилъ



РАЗРУШЕННЫЙ КОСТЕЛЪ.

онъ въ ночной тишинѣ особенно красивымъ и звучалъ, какъ флейта.

— Что это за мотивъ? спросила Таня.

— А это малороссійская пѣсня, которую очень любилъ мой отецъ, и слова такія хорошія:

«Зеленій дубочокъ,
Чого похилився?
Молодой козаче
Чого зажурився?..
Чі воли пристали
Чі з дороги збився?
Воли й не пристали
З дороги не сбився;
Тім я зажурився»,
Шо й не оженився-я-я...

Таня ничего не отвѣтила. Въ темнотѣ раздался визгливый женскій голосъ горничной Наталки:

— Барышня — а, барышня — а...

— Чего? откликнулась Таня.

— Васъ барыня кличуть.

— Ну, что тамъ еще имъ нужно? съ досадой пробормотала Таня, оглянулась и сказала: «ты меняо божди», и побѣжала по чуть свѣтлѣвшей дорожкѣ. Было слышно, какъ гудѣла юбка.

И хотя, повидимому, ничто не измѣнилось, но именно съ этого момента Костя уже зналъ, что Таня не будетъ его женой. Ожидать пришлось гораздо дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Вернулась она медленными шагами, съ опущенной головой и почему-то съ теплымъ платкомъ на плечахъ.

Сѣла. Костя прижался щекой къ ея щекѣ и почувствовалъ, что все лицо Тани горячее и какъ будто липкое отъ слезъ.

— Что съ тобой, моя зоренька?

— Да такъ, очень разволновала мама, совѣтуетъ отложить свадьбу до тѣхъ поръ, пока не успокоятся слухи о войнѣ.

«Нужно взять себя въ руки, нужно взять себя въ руки», подумалъ Костя и отвѣтилъ:

— Ну такъ что же? Вѣдь разрѣшеніе этого австрійскаго, или вѣрнѣе, собачьяго ультиматума, конечно, произойдетъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, а затѣмъ черезъ недѣлю будетъ извѣстно, какъ станетъ реагировать Россія. На недѣлю и отложимъ...

— Какъ... и ты согласенъ? выговорила Таня?

— Ну, а что-жъ я буду ставить на карту не только свою, но и твою жизнь? Впрочемъ, о жизни здѣсь не можетъ быть и рѣчи, я увѣренъ, что, кромѣ мобилизаціи и военной демонстраціи ничего больше не можетъ произойти, сказалъ онъ какъ можно тверже и добавилъ: и Австрія никогда не посмѣетъ напасть на Сербію...

И Костя былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ.

Таня старалась убѣдить себя въ правотѣ его словъ, но не могла удержать слезъ. Долго сидѣли, ласкались и цѣловались— точно прощались. Выплыла изъ-за березъ красная луна, мертвая и равнодушная и къ человѣческой любви и къ ненависти. Неслышными шагами снова прибѣжала босая Наталка и равнодушно проговорила:

— Барыня приказували, шоб барышня уже йшли спать...

— А развѣ она сама еще не легла? спросила Таня.

— Ще не лягали...

Костѣ это не понравилось и показалось, что Анна Степановна хочетъ показать, что считаетъ дочь еще не принадлежащей ему. Потомъ налетѣло тупое спокойствіе и, когда Наталка убѣжала, онъ всталъ и сказалъ:

— Ну, что-жъ, пойдемъ, утро вечера мудренѣе...

Таня упала къ нему на грудь. Собственное сердце говорило ей больше правды, чѣмъ мать и женихъ и газеты.

— Ты знаешь что, начни принимать фитинчикъ, пробормоталъ Костя и сейчасъ же почувствовалъ всю ненужность этихъ словъ.

На балконѣ разстались и стало еще тяжелѣе. Костя вошелъ въ свою комнату и долго не зажигалъ огня. Саша громко храпѣлъ, но докторъ не слыхалъ этихъ звуковъ. Потомъ заставилъ себя быстро раздѣться и лечь въ постель.

И хотя онъ въ этотъ день не ужиналъ, но снова пригрезился кошмаръ: гдѣ-то въ погребѣ, въ мертвецкой, вокругъ трупы, голые, обезображенные, почти всѣ съ огнестрѣльными ранами и будто онъ, Костя, долженъ надѣлать изъ нихъ препаратовъ. Нечѣмъ дышать, страшный запахъ разложенія бьетъ въ носъ и колетъ глаза.

Затѣмъ пригрезилось, будто и самъ онъ уже трупъ, но не потерявшій сознанія, и долженъ лежать здѣсь, пока не придетъ кто-то невѣдомый не то прозекторъ, не то злой духъ, и сознаніе что сейчасъ нужно раздѣться и лечь рядомъ съ рыжебородымъ, оскалившимъ зубы и коротко остриженной головой, ближайшимъ мертвецомъ, выросло въ неописуемый ужасъ. Крикъ вырвался изъ его груди, и докторъ проснулся.

Луна поднялась уже высоко и казалась не золотой, а серебряной и голубоватой.

Черезъ стекла второго окна видна была большая медвѣдица. До разсвѣта оставалось еще часа полтора, и Костя по опыту зналъ, какъ тяжко пройдетъ это время, какими горячими будутъ казаться подушки и какимъ противнымъ— храпъ Саши.

Мысль о поѣздкѣ на войну скорѣе радовала, чѣмъ печалила. Увидѣть совсѣмъ новое и поработать по хирургіи, представлялось очень интереснымъ.

Но жалость къ Танѣ и невозможность утѣшить ее мучили, какъ только что видѣнный кошмаръ. И онъ провертѣлся въ поту до шести часовъ утра, затѣмъ крѣпко заснулъ и, къ своему удивленію, открылъ глаза только въ двѣнадцатомъ часу, даже подумалъ: «ужъ не остановились ли часы»? Снялъ ихъ со стѣны и послушалъ. Чикали...

Постель Саши давно была пуста.

— И почему-жъ этотъ болванъ прежде всегда меня будилъ, а сегодня не разбудилъ? подумалъ Костя и въ одномъ бѣльѣ побѣжалъ къ умывальнику.

На балконѣ за чайнымъ столомъ уже стоялъ второй самоваръ и сидѣлъ гость, священникъ отецъ Павелъ Анны Степановны, Тани и Саши не было. О. Павелъ потеръ рука объ руку и ласково поздоровался, затѣтъ тряхнулъ головой, поправилъ волосы и, точно извиняясь, произнесъ:

— Не везетъ вамъ...

— Почему? сурово спросилъ Костя.

— Да такъ, вотъ Анна Степановна совершенно резонно изволила замѣтить, что слѣдуетъ обождать. Въ политической атмосферѣ наблюдается сгущеніе облаковъ, и можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ большихъ осадковъ, которые коснутся и васъ, какъ врача.

Костя ничего не отвѣтилъ и налилъ себѣ молока.

Черезъ пять минутъ вернулась Анна Степановна и поздоровалась холоднѣе, чѣмъ всегда. И доктору не захотѣлось поцѣловать ей руку.

Вышла и Таня, вдругъ похудѣвшая, съ красными вѣками.

«И чего они всѣ? точно хоронить меня собрались, во всякомъ случаѣ ждать осталось меньше, чѣмъ ждали. Не лучше ли мнѣ пока уѣхать? И Танѣ будетъ легче», подумалъ онъ, поставилъ стаканъ и ушелъ въ садъ одинъ.

Сдѣлавъ шаговъ двѣсти, Костя скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ, что его догоняетъ Таня. Обнялись и пошли молча. И за цѣлый день не могли найти ни одной фразы утѣшенія, хотя передъ ними еще и не стояло, раскинувъ свои холодныя руки, настоящее горе. Костя повторялъ:

— Хуже всего эта неопредѣленщина!..

Неопредѣленщина продолжалась всего четыре дня, а затѣмъ урядникъ привезъ въ усадьбу извѣщеніе о всеобщей мобилизаціи и о призывѣ врачей.

— Но тебя же это еще не касается? не касается? — спрашивала Таня.

— Нѣтъ, очень даже касается. Но будь же ты мужественной, я вѣрю въ твою любовь и знаю, что война не можетъ продолжаться вѣчность... я нравственно обязанъ ѣхать и поѣду... долженъ... — отвѣчалъ онъ.

Оставшись одинъ, Костя грызъ ногти и шепталъ: — «въ данномъ случаѣ необходимо дѣйствовать хирургически, необходимо».

На семейномъ совѣтѣ рѣшили, что онъ уѣдетъ послѣзавтра вечеромъ. Таня будто успокоилась и побѣжала узнавать, все ли бѣлье Кости отдано прачкѣ и пришилъ ли кучеръ дратвой ручку къ чемодану.

У нея легли темныя полосы подъ глазами. Таня больше не плакала, только не могла ничего ѣсть. Въ шесть часовъ ее начало лихорадить. Прошелъ лѣтній теплый дождикъ, но Анна Степановна подъ предлогомъ, что на дворѣ сыро, не выпускала Таню изъ комнатъ и нельзя было остаться вдвоемъ съ женихомъ ни на одну минуту.

Стучалъ сапогами Саша и кричалъ на всѣ комнаты:

— Я пойду вольноопредѣляющимся, ура! пойду вольноопредѣляющимся...

Вмѣстѣ съ докторомъ онъ ушелъ спать рано и сейчасъ же громко захрапѣлъ.

Костя сѣлъ къ письменному столу, взялъ листокъ почтовой бумаги и снова прошепталъ: «нужно дѣйствовать хирургически»...—Затѣмъ обмакнулъ перо и началъ писать:

«Голубчикъ Таня, я рѣшилъ уѣхать. И твое и мое чувство слишкомъ велико, чтобы разлука могла его деформировать. Я знаю, какъ тяжело будетъ тебѣ завтра и въ ближайшіе дни, но затѣмъ станетъ ясно, что я поступилъ правильно. Кланяйся мамѣ. Я увѣренъ, что и она пойметъ и оцѣнитъ мой поступокъ и почуетъ, какъ тяжело мнѣ было, и объяснитъ тебѣ. До свиданія, моя любимая, и весьма возможно, до гораздо болѣе скораго и благополучнаго, чѣмъ мы оба ожидаемъ...

Онъ просидѣлъ надъ письмомъ еще десять минутъ, но не сумѣлъ добавить больше ни одного слова. И подписался:

Только твой и вездѣ и всегда Костя».

Затѣмъ запечаталъ конвертъ и вдругъ овладѣлъ собой. Поглядѣлъ на Сашу,—тотъ спалъ крѣпко. Докторъ не торопясь досталъ свое бѣлье, уложилъ его, хотѣлъ снять съ письменнаго стола всѣ свои мелкія вещи, потомъ подумалъ:— «пусть остаются»,—и взялъ одну только рамку съ портретомъ Тани. Спокойно завязалъ ремни и на всякій случай выставилъ чемоданъ за дверь.

Когда воздухъ побѣлѣлъ и загорланили пѣтухи, Костя, какъ можно тише, вышелъ во дворъ и направился къ конюшнѣ.

«Нужно дѣйствовать хирургически, нужно дѣйствовать хирургически», думалъ онъ и началъ будить кучера Степана. Это оказалось такъ же нелегко, какъ и разбудить Сашу. Наконецъ, Степанъ сѣлъ на своемъ твердомъ ложѣ, протеръ глаза почесалъ подъ шеей и съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Чого вамъ?

— Сейчасъ же запряги сѣраго жеребца въ шарабанчикъ, повезешь меня на станцію.

— Чого? — опять спросилъ Степанъ.

— А того, — сердито отвѣтилъ Костя, — что мнѣ нужно ѣхать въ губернію.

— Чого?

— На войну нужно ѣхать...

— На яку?

— Запрягай сейчасъ, бо поѣздъ отходитъ въ шестомъ часу, а теперь уже четыре.

Степанъ поглядѣлъ черезъ открытую дверь на небо и увѣренно произнесъ:

— Ще нема четырехъ...

Костѣ удалось выѣхать незамѣченнымъ.

Прекрасны были тоны разсвѣта, и лиловая дорога, и синеватая даль Днѣстра.

Бодро бѣжалъ рысакъ.

Утренняя свѣжесть разливалась по всему тѣлу, и Костя чуялъ впереди новую жизнь, торопливую, важную и страшную, отъ которой зависѣло счастье не только его и Тани, но, можетъ быть, и ихъ будущихъ дѣтей и внуковъ.

Борисъ Лазаревскій.

Петроградъ, 23 октября 1914 г.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

ЭМИЛЬ Вандервельде находился на передовыхъ позиціяхъ въ то время, когда шелъ ожесточенный артиллерійскій бой между англичанами и бельгійцами, съ одной стороны, и нѣмцами — съ другой. Въ одномъ мѣстѣ, подъ прикрытіемъ высокой изгороди, стояла толпа солдатъ, тѣснымъ кольцомъ сплотившихся вокругъ человѣка въ штатскомъ, съ зонтомъ въ рукѣ.

— Давидъ побѣдилъ Голіафа, — говорилъ человѣкъ. — Вы прошли черезъ жестокія испытанія, терпѣли голодъ и холодъ. Вы испытали горечь отступленія. Вы были одиноки въ Льежѣ, Тирлемонѣ, Антверпенѣ, одиноки передъ лицомъ страшнаго врага, грознаго своей численностью и организаціей. 20 дней тому назадъ, нѣмцы дѣлали отчаянныя усилія, чтобы окружить васъ. Я былъ тогда среди васъ, я воодушевлялъ васъ, просилъ васъ держаться стойко, умолялъ во что бы то ни стало защищать остатки вашей родины. Вы выполнили эту задачу. Вы задержали натискъ непріятеля.

Глаза бельгійцевъ гордо блеснули: да!

Въ это время, стоявшій неподалеку на возвышеніи офицеръ, все время смотрѣвшій въ бинокль обернулся и крикнулъ:

— Наклонитесь, господинъ министръ!

Надъ головами участниковъ своеобразнаго митинга пролетѣлъ германскій снарядъ.

— Я поздравляю васъ съ успѣхомъ, — продолжалъ человѣкъ въ штатскомъ. — Король сказалъ мнѣ: «Поѣзжайте поглядите на наши войска. Подбодрите ихъ. Разскажите имъ, каковы наши дѣла. Вселите въ нихъ новое мужество». Друзья мои, наши надежды блестящи. Вначалѣ войны вы были одиноки...

— Наклонитесь же, г. министръ, — крикнулъ снова офицеръ, и надъ солдатами пронесся новый снарядъ.

... А теперь посмотрите: французы и англичане сражаются рядомъ съ вами. Изъ Индіи, изъ южной Африки, изъ Канады, со всѣхъ концовъ міра вольные люди приносятъ вамъ свое сочувствіе и свою помощь. Въ Восточную Пруссію вступили русскія войска. Ваши враги уже испытываютъ бѣдствія непріятельскаго нашествія.

Друзья, но нужна еще ваша храбрость. Вы страдаете отъ холода и дождя. Будьте втройнѣ мужественны. Ничто не должно васъ останавливать, даже, если бы у васъ не стало ни обуви, ни хлѣба, ибо я повторю вамъ то, что сказалъ своимъ войскамъ въ Италіи Бонапартъ: «Ищите хлѣба внизу»! Ибо тамъ, внизу изнываютъ подъ ярмомъ ваши матери и жены. Онѣ ждутъ что вы придете и освободите ихъ. Въ города, друзья, въ наши города!

Громогласные клики: «Да здравствуетъ Бельгія»! огласили воздухъ.

Говорилъ гражданинъ и министръ Эмиль Вандервельде.

Солдаты медленно расходились. Въ отдаленіи кто-то дружески окликнулъ Вандервельде:

— Эмиль!

То былъ рабочій изъ Шарлеруа, знавшій министра по народнымъ собраніямъ.

Прощаясь съ рабочимъ, Вандервельде спросилъ: «Можно ли разсчитывать на васъ»?

— Я буду защищать отечество, какъ защищалъ — отвѣчалъ рабочій.

ВЪ СТАНѢ ВРАГОВЪ.

Война есть война.

ГАЗЕТЫ сообщаютъ о «вѣдомственныхъ» разногласіяхъ въ Германіи. На «собесѣдованіяхъ» представителей генеральнаго Штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ съ сотрудниками газетъ, которыя происходятъ ежедневно по утрамъ въ помѣщеніи рейхстага, на дняхъ произошелъ такой случай. Представитель министерства иностранныхъ дѣлъ предложилъ газетамъ воздерживаться отъ преувеличеній при описаніяхъ жестокостей якобы совершаемыхъ противниками Германіи. Это молъ подрываетъ довѣріе германской печати за границей. Представителю министерства иностранныхъ дѣлъ горячо возражалъ представитель Штаба. Онъ сказалъ: война есть война, и нечего поэтому проявлять особенную совѣстливость». Послѣ этого заявленія представитель министерства иностранныхъ дѣлъ немедленно покинулъ засѣданіе.

* * *

Потери Австрійцевъ.

ИЗЪ Вѣны сообщаютъ, что австрійскія войска за послѣдніе дни потеряли болѣе 100.000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

* * *

Обостреніе отношеній между „братскими" арміями.

ПОСЛѢ пораженія австрійской арміи въ Сербіи отношенія между германской и австрійской арміями чрезвычайно обострились. Сообщаютъ, что въ Краковѣ между германскими и австрійскими офицерами прекратились личныя отношенія.

* * *

Отставка Маленькаго Мольтке.

НАЧАЛЬНИКЪ Германскаго Генеральнаго Штаба, на котораго возлагались въ началѣ войны чрезвычайныя надежды — отставленъ. Вильгельмъ обвиняетъ его въ несчастномъ поворотѣ войны. Потомокъ великаго Мольтке обѣщалъ уничтожить сопротивленіе Бельгіи «одной дружиной пожарныхъ».

* * *

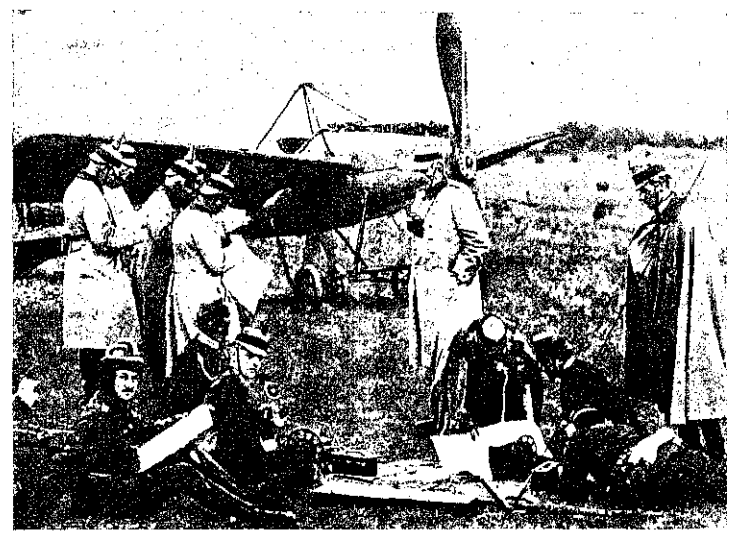
Крушеніе двухъ германскихъ военныхъ поѣздовъ.

ГАЗЕТЫ сообщаютъ, что въ юго-западной части польскаго театра войны, произошло столкновеніе двухъ германскихъ поѣздовъ, нагруженныхъ пироксилиномъ и артиллерійскими снарядами. Взрывъ былъ слышенъ на разстояніи 15 верстъ. Ни отъ поѣздовъ, ни отъ полотна въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошелъ взрывъ не осталось и слѣда.

* * *

Письмо Ганса Лоди, разстрѣляннаго въ Лондонѣ.

ИЗВѢСТНЫЙ германскій шпіонъ Гансъ Лоди, разстрѣлянный въ Англіи по приговору военнаго суда, написалъ передъ смертью своимъ роднымъ слѣдующее письмо: «Мои дорогіе, я надѣялся на Бога, но Онъ рѣшилъ, что мой часъ уже наступилъ и я долженъ отправиться въ путь черезъ долину мрака, въ которой за время этой ужасной международной войны погибло много моихъ товарищей. Пусть моя жизнь будетъ сочтена скромнымъ даромъ на алтарь человѣчества. Смерть героя на полѣ битвы красивѣе, но это не мой жребій, а я умираю здѣсь, въ непріятельской странѣ, молча, въ полной неизвѣстности, но сознаніе, что я умираю для отечества, облегчаетъ мнѣ смерть. Верховный военный судъ въ Лондонѣ приговорилъ меня къ смертной казни за военный заговоръ. Завтра меня разстрѣляютъ здѣсь, въ Лондонской башнѣ. Меня утѣшаетъ то, что со мной обращаются здѣсь не какъ съ шпіономъ. Я имѣлъ справедливыхъ судей, и я умру какъ офицеръ, а не какъ шпіонъ. Прощайте! Богъ да благословитъ васъ. Гансъ.



Нѣмецкій штабъ принимаетъ донесенія авіаторовъ, возвратившихся съ развѣдки.

* * *

Вильгельмъ II, Францъ-Іосифъ и Турецкій Султанъ о взятіи Бѣлграда.

ИМПЕРАТОРЪ Вильгельмъ за обѣдомъ въ главной квартирѣ, получивъ телеграфное увѣдомленіе о взятіи Бѣлграда, провозгласилъ торжественное «ура» въ честь побѣдоносной и великой австро-венгерской арміи.

Императоръ Францъ Іосифъ прочувствованной телеграммой благодарилъ свои войска за проявленную ими доблесть.

Турецкій Султанъ поздравилъ Императора Франца-Іосифа съ сокрушеніемъ дерзкаго врага.

Командующій австро-венгерскими арміями на Балканахъ фельдцехмейстеръ генералъ Потіорекъ за взятіе Бѣлграда получилъ званіе доктора юридическихъ наукъ Грацскаго университета.

* * *

Бюловъ о Вильгельмѣ.

НѢСКОЛЬКО дней тому назадъ во дворцѣ вдовы бывшаго директора «Deutsche Bank», состоялся парадный обѣдъ въ честь бывшаго имперскаго канцлера князя Бюлова. За обѣденнымъ столомъ собралось многочисленное общество блестящихъ представителей дипломатіи, военныхъ круговъ и высшаго свѣта. Князь Бюловъ все время хранилъ упорное молчаніе. Когда же его въ упоръ спросили, въ какомъ настроеніи онъ засталъ императора, то Бюловъ далъ слѣдующій отвѣтъ: Der Kaiser ist sehr ernst und ganz ergraut» (императоръ весьма серьезно настроенъ и совсѣмъ посѣдѣлъ).

* * *

Ненависть германцевъ къ англичанамъ.

ГЕРМАНСКІЕ газеты сообщаютъ, что солдаты и офицеры, при взаимныхъ привѣтствіяхъ вмѣсто «guten Tag» говорятъ: «Господи покарай Англію»! а вмѣсто Adieu получаютъ отвѣтъ: Господь караетъ Англію. Тоже говорятъ вмѣсто знаменитаго «Prosit», когда пьютъ пиво. Привѣтствуя солдатъ командиры говорятъ: Смирно! Господь да покараетъ Англію! Солдаты отвѣчаютъ: Господь караетъ ее!

* * *

М. ГАРДЕНЪ написалъ статью въ своемъ журналѣ «Zukunft», въ которой критикуются дѣйствія Германскаго Генеральнаго Штаба, втянувшаго въ войну Турцію. Статья озаглавлена: «Мы сами справимся». Номеръ Zukunft съ этой статьей былъ конфискованъ до появленія его въ продажѣ.

* * *

Фонъ деръ Гольцъ Паша главнокомандующій турецкой арміи.

БЫВШІЙ комендантъ Брюсселя фонъ деръ Гольцъ Паша назначенъ Генералиссимусомъ Турецкой арміи.

* * *

Военные займы Германіи.

„BERLINER Tageblatt» исчисляетъ заключенные Германіею до сихъ поръ военные займы въ суммѣ 20 милліардовъ марокъ. Изъ нихъ 10 милліардовъ заключены имперіей, 2 милліарда—Пруссіей, и остальные 8 милліардовъ — провинціями, округами и общинами.

* * *

Военныя игральныя карты въ Германіи.

ВЪ Германіи появились въ продажѣ военныя игральныя карты. На нихъ изображены германскій императоръ Оттонъ, Гретхенъ и Ландскнехтъ. На изнанкѣ стилизованные имперскій орелъ и желѣзный крестъ.

Огромное количество колодъ новыхъ картъ переданы военному вѣдомству для раздачи на передовыхъ позиціяхъ.

* * *

Улицы и блузки Гинденбурга.

ПОЧТИ всѣ города Пруссіи обзавелись улицами Гинденбурга. Какъ сообщаютъ, Гинденбургъ господствуетъ также въ новѣйшихъ дамскихъ модахъ.

* * *

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Отвѣтъ Верховнаго Главнокомандующаго Амфитеатрову.

Въ «Русск. Словѣ» напечатана телеграмма Амфитеатрова, воспроизводящая отвѣтъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго на запросъ Амфитеатрова:

«Ссылаясь на вашу телеграмму, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго по приказу Его Императорскаго Высочества увѣдомляетъ васъ, что явно провокаціонное укрѣпленіе австрійцами историческаго храма безусловно доказано и подтверждается изъ разныхъ военныхъ источниковъ самымъ неоспоримымъ образомъ. Что касается снятія этихъ укрѣпленій, то мы объ этомъ не имѣли еще никакихъ сообщеній. Генералъ Янушкевичъ».

* * *

Книга короля Альберта.

Въ Лондонѣ вышла книга о королѣ Альбертѣ, состоящая изъ статей ученыхъ и писателей союзныхъ странъ. Въ числѣ авторовъ книги находятся Киплингъ, Ростанъ, Верхарнъ, Метерлинкъ, Анатоль Франсъ, Лордъ Робертсъ и др. Изъ русскихъ писателей участвуютъ Л. Андреевъ, Д. Мережковскій, Туганъ Барановскій и др.

* * *

Военные расходы Франціи.

Французскій министръ финансовъ опубликовалъ отчетъ о военныхъ расходахъ Франціи. Согласно этому отчету, Франція израсходовала на войну въ теченіе ноября 910 милліоновъ франковъ. Ежедневныя военныя издержки достигаютъ 30 мил. франковъ.

* * *

Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось.

Оффиціальная «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» сообщаетъ, что «Новое Время пріостановлено военной цензурой, и что «корреспонденціи Новаго Времени съ войны увеличиваютъ существующее въ Петроградѣ настроеніе отчаянія».

* * *

Австрійскіе и Германскіе пули.

Австрійцы и Германцы вновь перешли къ массовому примѣненію разрывныхъ пуль. Патроны съ разрывными пулями находятся въ подсумкахъ взятыхъ въ плѣнъ солдатъ.

* * *

М. Метерлинкъ въ Италіи.

Метерлинкъ предпринялъ теперь поѣздку по Италіи, проповѣдуя необходимость спасенія отъ германскаго вандализма Брюсселя, Антверпена, Брюгге и Гента.

На-дняхъ онъ произнесъ свое первое обращеніе въ знаменитомъ миланскомъ театрѣ «Ля-Скала».

— Бельгія, — говорилъ онъ, — наказана, какъ не былъ наказанъ ни одинъ народъ, за то, что она исполнила свой долгъ, какъ ни одинъ народъ не исполнялъ его до нея.

Просмотрите всю исторію, вы не найдете такой высоты подвижничества, какой достигла Бельгія.

Леонидъ и его 300 спартанцевъ защищали при Ѳермопилахъ свои очаги, женъ, дѣтей. Король же Альбертъ и его бельгійцы хорошо знали, что сопротивляясь вторгшимся врагамъ, они тѣмъ самымъ обрекаютъ на неотвратимую гибель и свои очаги, и дома, и дѣтей.

У нихъ съ войною не были связаны насущные и повелительные интересы страны, какъ это было въ случаѣ героевъ Спарты. Наоборотъ: бельгійцы кругомъ выигрывали отъ несопротивленія и все теряли въ войнѣ—кромѣ чести.

Я видѣлъ на чужбинѣ многихъ изъ моихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые были богачами, а теперь стали нищими. Другіе, бывшіе и до войны бѣдняками, лишились даже того, что имѣютъ бѣдняки.

Позиція, которую заняла бельгійская нація, привела къ акту исключительному и незабываемому. Она нашла новую религію. Она установила новый уровень человѣческихъ самосознанія, лойяльности и мужества.

* * *

Американскій рождественскій корабль.

Въ Англію прибылъ пароходъ Язонъ съ рождественскими подарками для американскихъ дѣтей, дѣтямъ, сражающихся въ Европѣ солдатъ. Язонъ привезъ 5.000.000 игрушекъ и теплыхъ вещей, собранныхъ въ Америкѣ по иниціативѣ журнала «World». Въ Плимутѣ были выгружены подарки, предназначенные для англійскихъ дѣтей. Оттуда пароходъ ушелъ въ Марсель, гдѣ будутъ выгружены подарки для французскихъ дѣтей. Подарки для германскихъ и австрійскихъ дѣтей будутъ выгружены въ Италіи, а для русскихъ и сербскихъ въ Салоникахъ.

* * *

Вступленіе Короля Петра въ Бѣлградъ.

Сербскій король съ принцемъ регентомъ и королевичемъ Георгіемъ въ 11 ч. утра 2-го декабря вступили въ Бѣлградъ во главѣ своихъ войскъ и прослѣдовали въ соборъ, гдѣ было совершено богослуженіе.

* * *

Подземное благоустройство на позиціяхъ.

«Corriere della Sera» такъ описываетъ со словъ французскаго артиллериста жизнь въ окопахъ на передовыхъ позиціяхъ во Франціи:

«Окопы устраиваемые по послѣдней модѣ имѣютъ кухню, столовую, спальню и конюшню. Солдаты умудряются приводить въ окопы даже коровъ. Нашъ полкъ имѣлъ форменный скотный дворъ подъ землей. У насъ было нѣсколько коровъ, которыя давали намъ столько молока, что мы обыкновенно имѣли къ завтраку свѣжее масло.

Къ несчастью, весь нашъ скотный дворъ взлетѣлъ на воздухъ отъ вражеской гранаты.

Послѣ большого сраженія зайцы, кролики и фазаны бѣгаютъ, оглушенные, массами вокругъ, такъ что ихъ можно брать голыми руками. Мы безъ труда ловили для нашей батареи ежедневно до сотни зайцевъ, 50 кроликовъ и штукъ 20 фазановъ».

* * *

„Безшумная пушка".

Въ англійскихъ журналахъ появилось описаніе новаго германскаго орудія, такъ наз. «безшумной пушки». Въ сущности эта новая пушка не совсѣмъ безшумна. При выстрѣлѣ изъ нея слышится почти такой же сильный ударъ, какъ при стрѣльбѣ изъ обыкновеннаго орудія.

Весь аппаратъ вмѣстѣ съ лафетомъ настолько легокъ, что два человѣка легко могутъ нести его на рукахъ. Принципъ новаго орудія, судя по описаніямъ, сходенъ съ торпедой Унге. Это метательный аппаратъ, состоящій изъ рычага, на который насаживается снарядъ. Рычагъ устанавливаютъ подъ извѣстнымъ угломъ и приводятъ въ движеніе особой пружиной. Когда рычагъ выпрямляется, снарядъ срывается и при паденіи описываетъ заранѣе вычисленную дугу.

Разстояніе, на которомъ дѣйствуетъ новая пушка очень незначительно, не болѣе 350 метровъ. Степень точности прицѣла тоже очень невелика. Но это отчасти компенсируется чрезвычайной разрывной силой снаряда. Онъ состоитъ изъ металлическаго шара, вмѣщающаго до 90 килограммовъ взрывчатаго вещества. Англійскіе журналы, со словъ очевидцевъ, сообщаютъ, что разрушительное дѣйствіе такой пушки почти не уступаетъ дѣйствію тяжелой крѣпостной артиллеріи.

* * *

Бой на кладбищѣ.

Бюро Рейтера сообщаетъ: молодой французскій журналистъ, только что вернувшійся съ передовыхъ позицій, разсказываетъ слѣдующую жуткую исторію.

«Вблизи одной деревни французскія и германскія траншеи были расположены по обѣ стороны деревенскаго кладбища. Французамъ пришла въ голову мысль пробраться въ германскія траншеи подземнымъ ходомъ, вырытымъ подъ кладбищемъ. Какъ оказалось, та же идея пришла въ голову и нѣмцамъ. Враги встрѣтились подъ землей. Здѣсь среди гробовъ произошелъ страшный бой».

Во многихъ мѣстахъ во Франціи старинныя кладбища разрыты и превращены въ траншеи. Разсказываютъ, что нѣмцы сжигаютъ гробы и устраиваютъ казематы въ склепахъ.

* * *

Домикъ въ Шато Тьери.

Корреспондентъ «Times» сообщаетъ слѣдующее: Въ Шато-Тьери на Марнѣ стоялъ старый домикъ, пострадавшій въ войнѣ 1814 года отъ ядра. Въ стѣнѣ, въ томъ мѣстѣ, куда попало ядро, впослѣдствіи помѣстили надпись въ память бомбардировки. Теперь, во время недавняго сраженія на Марнѣ этотъ старый домикъ подвергся новой бомбардировкѣ. Нѣмецкая граната разрушила стѣну этого домика какъ разъ на разстояніи одного метра отъ того мѣста, куда ровно сто лѣтъ назадъ попало ядро.

Типо-Литографія «Якорь», Петроградъ, Б. Болотная, № 10.

Редакторъ-Издатель *З. И. Гржебинъ.*

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ВОЙНА.

СТИХИ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, 1915 г.
ЦѢНА 40 коп.

Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУМЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, 1915 г.
ЦѢНА 40 коп.

Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, Б. Болотная, 10.
ЦѢНА 60 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(о еврейскомъ вопросѣ).

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Москва, 1915 г.
ЦѢНА 20 коп.

Вся выручка поступаетъ въ «Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны».

ВОЙНА въ ЦИФРАХЪ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславлив. исходъ войнъ.—Кровопролитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

Изданіе журнала «ОТЕЧЕСТВО».
ЦѢНА 50 коп.

Содержаніе 6-го номера:

ВЯЧ. ИВАНОВЪ. Недугующимъ (стихи). • А. РЕМИЗОВЪ. Хлѣбный голосъ (съ автографомъ). • В. СТАНКЕВИЧЪ. Когда началась война. • Ѳ. СОЛОГУБЪ. Выборъ оріентаціи. • ИГОРЬ-СѢВЕРЯНИНЪ. Русскимъ войскамъ (стихи). • СЕРГѢЙ К. Записки офицера. • Б. ЛАЗАРЕВСКІЙ. Докторъ Костя.—Вандервельде на передовыхъ позиціяхъ.—Въ станѣ враговъ.—Отклики войны.

НѢМЕЦКІЙ ХУДОЖНИКЪ Т. Т. ГЕЙНЕ О ТУРЕЦКОЙ АРМІИ.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ БОЛЬШОГО ФОРМАТА.

ЦѢНА ПОДПИСКИ: 6 р., съ доставкой и пересылкой **на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к.**

Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ. На станціяхъ жел. дорогъ—20 к.

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Пробный номеръ высылается за двѣ 10-ти копѣечныя марки.

Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ — **3** руб., 1-го февраля — **2** руб. и 1-го мая — **2** руб.

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

№ 7.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ ЖУРНАЛА

ОТЕЧЕСТВО

СОДЕРЖАНІЕ:

Н. РЕ-МИ. Фронтиспись. ■ Н. РЕРИХЪ—1) Взятіе Казани и 2) Клятва. ■ ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. На Сѣверѣ. Разсказъ. ■ П. НАУМОВЪ. Рождественская ночь. ■ ВЯЧ. ИВАНОВЪ. Убѣленныя нивы. ■ П. ЯКОВЛЕВЪ. Вѣчная идея. ■ ВЛ. БЕСТУЖЕВЪ. Россіи. ■ М. ДОБУЖИНСКІЙ Утромъ. ■ А. РЕМИЗОВЪ. Россія въ письмахъ. ■ Г. ЛУКОМСКІЙ. Во Львовѣ. ■ А. ЧАПЫГИНЪ. На озерѣ. Разсказъ. ■ Ѳ. СОЛОГУБЪ. Стихи. ■ А. АХМАТОВА. Стихи. ■ БЛОКЪ. Стихи. ■ А. ГРИНЪ. Судьба, взятая за рога. Разсказъ. ■ М. МОРАВСКАЯ. Башмачекъ королевы Ядвиги. ■ М. СЕМЕНОВЪ. Механика войны. ■ РЕД. Вынужденный отвѣтъ.

ПЕТРОГРАДЪ. ЦѢНА 15 КОП., НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д. 20 КОП.